

Горбуль Юлия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета

Юрьева Лариса Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, декан Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета

Высшее юридическое образование: к вопросу о критериях качества

О том, что в сфере высшего образования вообще, и в сфере юридического в частности, назрели достаточно серьезные проблемы, в среде лиц, принимающих непосредственное участие в его осуществлении, говорится достаточно давно¹. В настоящее время высшие должностные лица государства также отмечают необходимость реформирования высшего образования. Так, Президент Российской Федерации заявил в послании Федеральному собранию в феврале 2023 года о том, что в системе образования «нужен синтез того лучшего, что было в советской системе, и опыта последних десятилетий», «нужно вернуться к базовой подготовке в вузах сроком от 4 до 6 лет»².

Удовлетворение потребности в высококвалифицированных юридических кадрах требует основательного пересмотра целевых моделей развития образовательных организаций высшего образования, с одной стороны, и к деятельности органов государственного управления в этой сфере, с другой.

В контексте такого развития перед государственным аппаратом стоит задача по корректировке критериев оценки эффективности и результативности деятельности высших учебных заведений.

Деятельность по оцениванию качества высшего образования всегда была непростой задачей, а в период реформирования эта сложность возрастает многократно. И, безусловно, реализация данного инструмента государственного управления была бы успешнее, если бы перечень критериев, применяемых в механизме оценивания эффективности деятельности высших учебных заведений, был бы избавлен от противоречивых и (или) не очень согласованных с общей направленностью проводимых реформ показателей.

Так, приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Министерства просвещения Российской Федерации, Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 апреля 2023 года № 600 / 306 / 448 «Об осуществлении Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки, Министерством просвещения Российской Федерации, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации аккредитационного мониторинга системы образования» были определены показатели мониторинга системы образования по образовательным программам высшего образования.

Первым среди упомянутых показателей назван средний балл единого государственного экзамена (ЕГЭ) обучающихся, принятых на обучение. Представляется, что данный показатель не в полной мере имеет отношение к оценке деятельности вуза. Ведь по существу, средний балл ЕГЭ в большей степени отражает степень эффективности усилий школьных учителей, а также самих обучающихся, репетиторов и пр. Ведь по сути вуз вряд ли может повлиять на этот самый средний балл. И если средний балл ЕГЭ по ряду объективных или субъективных причин является низким,

¹ См., например: Кондрашев А. А. Проблемы современного юридического образования в контексте реформы высшего образования в Российской Федерации: итоги и перспективы // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 1. С. 144–156; Марченко М. Н. Состояние юридического образования современной России и проблемы повышения качества подготовки юристов // *Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки*. 2017. № 3 (12). С. 8–14; Сазанова И. В. Реальные и мнимые проблемы высшего юридического образования // *Знание*. № 7-1 (71). С. 94–98; Салыгин Е. Н. Проблемы высшего юридического образования в контексте Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» // *Судья*. 2013. № 9. С. 31–33; Шафиров В. М. В защиту юридического образования // *Российская юстиция*. 2021. № 2. С. 39–42; и др.

² Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 года // *Российская газета*. 2023. 22 февраля.

то перед вузом стоит более сложная задача по адаптации выпускников школ к образовательному процессу в высшем учебном заведении.

Кроме того, государство в лице соответствующих компетентных органов устанавливает минимальный порог баллов ЕГЭ по соответствующим школьным предметам. И предполагается, что, если выпускник набрал установленное минимальное количество, он имеет право быть зачисленным на обучение для получения высшего образования.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, следует заключить, что средний балл единого государственного экзамена (ЕГЭ) обучающихся, принятых на обучение в вуз, отражает скорее не качество самого образования в вузе, сколько своего рода уровень престижа и востребованности образовательной организации высшего профессионального образования среди выпускников с высокими балами ЕГЭ. И, безусловно, столичные вузы всегда будут более привлекательны для таких выпускников, чем провинциальные, пусть даже дающие качественное образование. Однако, проблема массового «оттока» молодежи в столичные города, ставит задачи сохранения и удержания в регионах выпускников школ, которая может быть решена, среди прочего, предоставлением возможности получения высшего образования в своем родном или близлежащем городе тем ребятам, которые не получили высоких баллов по результатам ЕГЭ, но тем не менее перешагнули их пороговые значения.

Также представляется достаточно противоречивым показатель, учитывающий долю обучающихся, успешно завершивших обучение по образовательной программе. По существу, этот критерий, конечно, отражает то, насколько эффективно потрудились преподаватели вуза, и сколько студентов, зачисленных на 1 курс, они благополучно довели до получения диплома о высшем образовании. Однако, в условиях ощутимого снижения количества бюджетных мест по юридическим направлениям подготовки и своеобразной финансовой самокупаемости большинства юридических вузов, не секрет, что администрация любого вуза заинтересована в сохранении контингента обучающихся, в том числе посредством снижения предъявляемых к ним требований и завышения показателей успеваемости. Наличие требования по сохранности контингента в аккредитационном мониторинге, на наш взгляд, способно усугубить данную тенденцию.

Следующий аккредитационный показатель, а именно, доля научно-педагогических работников, имеющих ученую степень и (или) ученое звание в общем числе работников, реализующих образовательную программу высшего образования, вытекает из требований государственных образовательных стандартов. Однако, выполнение этого показателя в сочетании с кадровыми условиями реализации стоящих на повестке дня федеральных программ и национальных проектов в сфере высшего образования сопряжено со значительными сложностями, особенно в провинциальных вузах. Речь идет о том, что процент молодых преподавателей (до 39 лет) должен составлять 30 % и выше. В то же время, прекращение работы многих диссертационных советов юридического профиля в регионах, отдаленных от центра, а также длительные периоды их нестабильной работы, создали серьезный дефицит молодых кандидатов и докторов юридических наук. И наоборот, повышение пенсионного возраста порождает проблему занятости «возрастных» квалифицированных педагогических кадров. Поэтому даже простые математические расчеты показывают, что для выполнения данного показателя многие периферийные вузы столкнутся с серьезными кадровыми проблемами. А в сфере образования и науки даже кратковременное введение мер, которые способны привести к распаду педагогического (научного) коллектива, может повлечь крайне негативные последствия.

Таким образом, на наш взгляд, в ряде критериев оценки качества деятельности образовательных организаций высшего образования, которые применяются в настоящее время, присутствует определенная доля противоречивости и несоответствия предъявляемых требований и прогнозируемых результатов. Также в перечне утвержденных аккредитационных показателей по программам высшего образования имеются такие, содержание которых, на наш взгляд, в настоящее время не конкретизировано и требует более тщательной проработки, и, прежде всего, со стороны самих контролирующих инстанций. Речь идет о наличии в вузе внутренней системы оценки качества образования. Отсутствие более-менее четких методик проведения такой оценки создает условия для очень широкой ее трактовки. И если мнение практикующих юристов и представителей работодателей, привлекаемых к учебному процессу, действительно, представляет особый интерес для разработчиков образовательных программ и лиц, организующих их реализацию, то вряд ли стоит рассматривать как объективную ту оценку качества преподавания, например, которую дает сту-

дент первого курса, всего пару месяцев отучившийся в вузе и не сдававший ни одного зачета или экзамена. Представляется, что было бы целесообразно конкретизировать содержание и направления внутренней системы оценки качества образования, проводимой в вузе, а также порядок, сроки и прочие параметры ее проведения.

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание, это степень автономности образовательных учреждений при разработке различных образовательных программ. В настоящее время ряд компонентов образовательных программ определяются образовательной организацией самостоятельно, и она вправе их варьировать в зависимости от текущих требований и интересов профессионального сообщества региона, квалификации педагогических кадров и иных условий. Такая самостоятельность имеет ряд положительных последствий и, безусловно, в определенной мере, и в дальнейшем должна быть сохранена.

В то же время вызывает недоумение следующий момент. Почему в государственном образовательном стандарте по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция перечислено более 25 дисциплин (модулей), которые обязательно должны быть изучены юристами-бакалаврами. А в образовательном стандарте по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность», предусматривающем присвоение выпускникам квалификации «Юрист», в качестве обязательных названо всего лишь 4 дисциплины, причем среди них ни одной собственно юридической. Такая разница в подходах могла бы быть объяснена содержанием соответствующих профессиональных стандартов, однако, в настоящее время большинство из них в юридической сфере пока отсутствует.

Автономность образовательных организаций, реализующих образовательные программы юридической направленности, проявляется не только в части утверждения учебных планов, но и в разработке содержания рабочих программ учебных курсов, предметов, дисциплин (модулей) и др. До внедрения в систему высшего образования компетентностного подхода содержание учебных курсов и результаты их освоения определялись так называемыми дидактическими единицами, которые единообразно устанавливались для всех вузов. В настоящее же время разработчики образовательных программ сами определяют, какие компетенции, в рамках каких дисциплин и с помощью изучения каких вопросов будут формироваться и проверяться у будущих выпускников. А с учетом того, что многие компетенции в государственных образовательных стандартах, определяющих порядок подготовки юристов, заданы и сформулированы достаточно широко, то без дополнительной конкретизации они могут трактоваться весьма разнообразно. Представляется, что в этой части опыт предшествующего исторического периода в развитии системы высшего юридического образования в России, безусловно, был бы полезен для более четкого и единообразного понимания заложенных в действующих образовательных стандартах траекторий.

В качестве положительной тенденции хотелось бы отметить, что благодаря наличию такого показателя оценки деятельности юридических вузов, как доля работников из числа руководителей и работников профильных организаций, в настоящее время юристы-практики достаточно активно идут в вузы — ведут занятия, проводят мастер-классы, встречи со студентами и пр. Такое взаимодействие не только обогащает учебный процесс, повышая его практическую направленность, но и позволяет решать вопросы будущего трудоустройства выпускников.

Таким образом, очевидно, что для оценки эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования должна применяться логически выверенная сбалансированная система показателей. При этом последние целесообразно дифференцировать в зависимости от статуса и особенностей образовательных организаций. Для научно-исследовательских университетов существующие на сегодняшний день показатели и их значения по объему выполненных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, выигранные гранты являются вполне обоснованными и коррелируют с идеей исследовательского протокола. Такие университеты должны заниматься реализацией исследовательских проектов по актуальным направлениям мировой науки, взаимодействовать с бизнесом и промышленностью, осуществлять подготовку магистров и кадров высшей квалификации. Кадровый состав такого университета должны образовывать научно-педагогические работники, активно участвующие в мировой исследовательской повестке и поддерживающие собственные исследовательские компетенции.

Университеты, не имеющие статуса научно-исследовательских, должны быть ориентированы преимущественно на образовательную деятельность. Учебный процесс по гуманитарным, в том числе юридическим, направлениям подготовки мало связан с научно-исследовательской деятель-

ностью в собственном смысле, поэтому учебный процесс может быть обеспечен в основном научно-педагогическими кадрами, осваивающими и транслирующими результаты чужих научных исследований.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, следует прийти к выводу, что в настоящее время вопрос определения критериев эффективности и показателей качества высшего образования носит весьма запутанный, сложный, во многом противоречивый характер. Сложность оценивания деятельности образовательных организаций, реализующих программы высшего юридического образования, определяются еще и тем обстоятельством, что эта сфера находится на острие актуальных перемен, происходящих в российском обществе и во всем геополитическом пространстве. Каким будет высшее юридическое образование будущего, зависит именно от верно спрогнозированных социальных эффектов, использования правовых средств их достижения и обеспеченности ресурсами в необходимом объеме.

Калинин Сергей Артурович,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета по научной работе

О концептуально-мировоззренческих угрозах в постсоветском юридическом образовании

Анализ последних глобальных и региональных событий в контексте юридического образования и науки парадоксально свидетельствует о снижении объяснительного и прогностического потенциала ряда правовых дисциплин (их разделов), а также об их превращении в значительной степени в набор идеологических штампов. Так, тема «политический режим» фактически свелась к противопоставлению демократии и авторитаризма, под которым понимается любая незападная модель власти (при игнорировании использования идей прав человека и демократии в качестве инструментов управляемого хаоса и цветных революций). В итоге, за презюмируемой образовательной и научной нейтральностью (объективностью) все более проявляются интересы субъектов, отрицающих самостоятельное суверенное существование постсоветских государств и стремящихся к их колонизации и ликвидации. По откровенному мнению Стивена Манна, «Конфликтная энергия отражает цели, ощущения и ценности индивидуального актора — в сумме, идеологическое обеспечение каждого из нас запрограммировано. Изменение энергии конфликта людей уменьшит или направит их по пути, желательному для наших целей национальной безопасности [США. — С. К.], поэтому нам нужно изменить программное обеспечение. Как показывают хакеры, наиболее агрессивный метод подмены программ связан с «вирусом», но не есть ли идеология другим названием для программного человеческого вируса? С этим идеологическим вирусом в качестве нашего оружия, США смогут вести самую мощную биологическую войну и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно *заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека* [здесь и далее курсив наш. — С. К.]. ...Поэтому наша национальная безопасность будет иметь наилучшие гарантии, если мы посвятим наши усилия борьбе за умы стран и культуры, которые отличаются от нашей»¹.

Данное мнение, отражающее суть политики США и его союзников, прекрасно коррелирует с вызовами (угрозами) суверенитету (существованию) входящих в Союзное государство России и Беларуси. Реагирование на такие вызовы (угрозы) также требует и изменения подходов к юридическому образованию, которое является ключевым при подготовке кадров как для системы государственного управления, так и правовой системы в целом. По сути, в юридическом образовании следует преодолеть вектор исключительной критики и отрицания собственных государств как несоответствующих неким претендующим на эталонность и универсальность и озвучиваемым международными и наднациональными субъектами требованиям. Однако вышеизложенное изначально требует осмысления детерминант юридического образования.

Решение данной задачи актуализирует рассмотрение юриспруденции в логике субъектной и управленческой парадигм (право, как *искусство управления (ius est ars boni et aequi)*, *нормиро-*

¹ Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/mann/> (дата обращения: 25.07.2023).